

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

УДК 821.161.1

Н.Л. БЛИЦ,

*кандидат филологических наук,
докторант кафедры русской литературы
Белорусского государственного университета*

О ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ И. БУНИНА И А. РЕМИЗОВА

В статье исследуется специфика творческих взаимоотношений А. Ремизова и И. Бунина. В эмиграции между А. Ремизовым и И. Буниным сложился иронико-сопернический стиль общения, отражающий полярность индивидуальных стиливых установок обоих писателей и их взаимный творческий интерес.

Ключевые слова: литературный стиль, творческая дискуссия, эстетика модернизма, творческое поведение.

И. Бунин решительно отвергал связанные с внутренней музыкой слов стиливые опыты Ремизова. Ремизов, в свою очередь, иронизировал над «невозможным» «книжным» языком Бунина. Бунин тяготел к лирической описательности и живописности, Ремизов – к ассоциативности и интуитивной аналитике. Перечень различий можно продолжить, однако, суть отношений между этими художниками не в полярности индивидуальных стиливых установок, а в жизнетворческом соперничестве. Тайно или явно, но оба мечтали о вершинах писательской славы. «Нобелевская премия явилась как символическим, так и вполне реальным воплощением успеха» [1, с. 50] для ее обладателя – Бунина – и одновременно побудительным мотивом к соперничеству для Ремизова.

Чувство соперничества по отношению к Бунину не оставляло Ремизова всю жизнь: «Меня зачислят в классики, но это только (так надо думать) после моей смерти, а он уже зачислен ...» [2, с. 48]. Бунин же задевала недооценка его достижений во Франции, особенно на фоне ремизовской репутации у французов: играя роль «дервиша-затворника» и «скажочника», Ремизов стал известен французской интеллектуальной элите как автор оригинальных легенд, печатался во французских изданиях, художники и писатели-сюрреалисты восхищались его снотворческими и графическими опытами*.

Во второй половине 1940-х годов при посредничестве Н.В. Кодрянской**, которая оказывала материальную поддержку писателям-эмигрантам, между А. Ремизовым и И. Бу-

*См. об этом: Обатнина Е.Р. «Магнитные поля»: А.М. Ремизов и французский сюрреализм // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу 1920–1940: Международная научная конференция. Материалы и исследования. – Вып. 8. – М.: Русский Путь, 2007. – С. 293–276.

**Н.В. Кодрянская (1901–1983) – автор монографии «Алексей Ремизов» (1959), написанной в форме воспоминаний о писателе, с привлечением его писем, дневников, рисунков. Вторая книга «Ремизов в своих письмах» (1977) включает письма писателя к Кодрянской, графические рисунки, фотографии, автографы. Кодрянская стала душеприказчицей Ремизова и унаследовала часть его личного архива, который передала в РГАЛИ (Москва). По материалам архива, переданного Кодрянской, были составлены три «Рукописные книги Алексея Ремизова» (2008).

ниным установился личный контакт. Известно об этом главным образом из воспоминаний Кодрянской, которая переняла у Ремизова богатый опыт сказочника* и драматизировала в своих мемуарах проблему взаимоотношений двух мэтров. В предисловии к книге «Ремизов в своих письмах» составительница пыталась выяснить, «стилистическими» или «психологическими» были причины расхождений между писателями. [2, с. 12]. А в воспоминаниях об И.А. Бунине мемуаристка уже прямо говорит о взаимной неприязни двух мастеров: «Я дружила с А.М. Ремизовым и, естественно, меня особенно интересовало то, что Иван Алексеевич говорил о нем. К сожалению, суждения его ... вызывали у меня тягостное чувство. Впрочем, ... и Ремизов относился к Бунину отрицательно» [3, с. 342].

В конце 1940-х – начале 1950-х годов Ремизов работал над эссе, составившими позже книгу воспоминаний «Петербургский бугерак», а также книгу «Иверень». Одним из сквозных внутренних мотивов этих книг стал скрытый диалог с Буниным, главным образом с его «Воспоминаниями». Ремизова смущали бунинские чрезмерно экспрессивные оценки как модернистов («истерики, юроды, помешанные»), так и генетически близких ему реалистов-«знаньевцев» («подмаксимовиков», по иронической аттестации Бунина). Выстраивая собственную литературную иерархию, Ремизов будто стремится восстановить нарушенный Буниным внутрилитературный статус-кво и одновременно написать о современниках стилистически изящнее, со всем метафорическим разнообразием смысловых подтекстов.

Важными источниками (и стимулами конкретных оценок) для воспоминаний обоих писателей могли послужить бурные дискуссии, которые, согласно автобиографической легенде самого Ремизова, в основном происходили на его кухне (по словам Ремизова, в «обезьяньем притоне»). В одном из писем Ремизов перечисляет постоянные темы литературных споров с Буниным: «В обезьяньем притоне он «пилит» меня, Горького, Достоевского!». Многолетний спор с Буниным о «порче» русского языка Ремизов закончит тем, что запишет своего оппонента в писатели со стереотипным языковым сознанием. «Бунин славился абсолютным слухом» [2, с. 345], – замечает Ремизов, но лишь для того, чтобы тут же намекнуть на бунинскую глухоту по отношению к мелодическому слогу Гоголя и, конечно, к музыкальности его собственного, ремизовского стиля.

В то же время в мемуарных очерках Ремизова и Бунина есть немало перекличек. Так, оба писателя считают Горького искуснейшим мифотворцем, придумавшим себе литературную судьбу; оба убеждены, что его литературная слава была «беспримерной по незаслуженности» [4, с. 118]. Бунинские суждения о Достоевском как о писателе «двойных мыслей» и ложного пафоса отзываются эхом в поздних ремизовских металитературных эссе «Звезда-Полынь».

Анализ воспоминаний Бунина и Ремизова позволяет скорректировать некоторые укоренившиеся представления об их эстетических ориентирах. Так, сильно преувеличена историками литературы разница в отношении писателей к Достоевскому. На самом деле и Ремизов, и Бунин противостояли пафосному религиозно-философскому прочтению Достоевского эмигрантскими литераторами (например, И. Шмелевым), оба с иронией относились к нарочитой театральности и истеричности, присущим героям Достоевского, оба замечали в его прозе болезненное тяготение к теме некрофилии. При совершенно контрастном отношении писателей к творчеству Блока у них есть совпадение в видении одной из его стилистических доминант: Бунин называет блоковский стиль «мистической цыганщиной», а Ремизов связывает притягательность поэта с тем, что он «чаровал своим петербургским цыганским туманом» [5, с. 250].

Собственно Бунин в металитературных текстах Ремизова изображен пунктирно. В книге «Взвихренная Русь» он – персонаж одного из сновидческих фрагментов. Сновидец рассматривает людей, которые движутся в сторону Красной площади: «Проехал верхом на слоне Жилкин, проскакал на пожарной кишке летчик Василий Каменский, протащили на аписах Брюсова <...> Пронесли на пурпуре Куприна, за Куприным Бунина» [6, с. 115–116]

---

*Книга Кодрянской «Сказки» (1950) написана под сильным влиянием Ремизова и вышла с его предисловием. В герое ее второй книги «Глобусный человек» угадываются внешние черты Ремизова. Создавая книгу «Алексей Ремизов», писательница следует основному приему Ремизова – мифотворческому, выстраивая именно тот образ, который писатель культивировал сам.

(курсив автора статті). Сновидення Ремізова являють собою причудливо-ірраціональну вязь слів, в якій первостепенно значимі фонетико-ритмічні відношення. Пара «Бунін – Купрін» (в очерку «Купрін» Бунін настаивав на цьому варіанті ударення в фамілії) прив'язана к анаграмматическій цепочке – «пур-пур»-«купр».

Сновидчеський образ «пронесли на пурпуре» в комбінації с фамілією Бунина рождает асоціації со знаменитими бунінськими строками: «Полетай, погуди – и в засохшей татарке, / На подушечке красной, усни» («Последний шмель»). Ремізов іронічески переосмысляет бунінське стихотворення, провидя в нем намік на татарську зовнішність Купріна и предлагая метонімічеську заміну «красной подушечки» на «пурпурную» подстилку. Тем самым «заснуть» (вместе с не требующим комментария «шмелем») – при посередничестве бунінського стихотворення – предлагается и Куприну, и Бунину, и всей компании влиятельных до революции «знаньевцев».

«Старшее поколение писателей: Короленко, Горький, Леонид Андреев, Бунин, Куприн, Серафимович и другие прославленные относились к моему отрицательно» [7, с. 280], – пишет мемуарист в книге «Петербургский буерак». Психологический контекст воспоминаний связан с авторской ревностью: все перечисленные писатели-реалисты имели в начале XX века высокий издательский рейтинг и гонорары, которые и не снились писателю-дебютанту, участнику убыточных символистских изданий. В текстах Ремізова успешный издательский проект предстает как «серое горьковское «Знание»», а «зеленые растрепанные книжки» писателей-знаньевцев и вовсе становятся «образцом словесного и печатного безвкусыя» [7, с. 210].

Безусловно, Ремізов стремился «уколоть» не только Бунина, однако персональная ревность к нобелевскому лауреату особенно ощутима. Бунин, который всего на 7 лет старше Ремізова, причисляется к «старшему поколению прославленных». Бунин узнаваем в текстах Ремізова, даже не будучи прямо названным: «Великие люди всегда окружены стеной ... О Толстом я помню из разговоров, какие надо было пути пройти, какие двери, чтобы проникнуть к Толстому. А ведь думалось не так, и кто не думал: пойду к Толстому и захвачу с собой Бахрака» [7, с. 81]. Как известно, Бунин любил рассказывать о своих встречах со Львом Толстым, а упомянутый Ремізовым А.В. Бахрах – автор мемуаров «Бунин в халате», где и воспроизводится рассказ Бунина о походе к Толстому.

Ретроспективно редактируя историю своего вхождения в литературу в книге «Иверень», Ремізов разворачивает обширную историко-культурную панораму, в которой ощущим эффект постоянного, хотя зачастую и незримого присутствия Бунина – прежде всего как писателя с неизмеримо (и незаслуженно) более счастливой, чем у Ремізова, судьбой. По житнетворческой легенде Ремізова, его преследовал злой рок: арест, ссылка, неприятие «великими писателями» (Короленко, Чеховым и Горьким), клевета со стороны критиков. Бунина же всюду сопровождает фортуна: Толстой «благословил», Чехов предсказал большое литературное будущее, Горький «вывел в люди». Бунин помещается автором «Иверени» в ряд «великих»: «...у Л. Андреева <...> были все великие: Горький, Скиталец, Шаляпин, Бунин» [7, с. 472]. Перед нами не просто участники телешовских сред, но и герои бунінських «Воспоминаний». Возможно, Ремізов выборочно перечисляет здесь персонажей «знаменитой» фотографии-открытки, которая в бунінському очерку «Шаляпин» претендует на статус заставочной*.

Интересно, что, согласно документальным свидетельствам, именно Бунин (вместе с Горьким) был причастен к устройству первой публикации Ремізова в газете «Курьер», где Андреев заведовал отделом литературы. «Особенными покровителями моими оказались Горький и Бунин» [8, с. 154], – признается Ремізов в письме к П.Е. Щеголеву от 11.11.1902. Позже Ремізов сообщает тому же П. Щеголеву, что отправил Бунину две ранние вещи – «Колыбельную песню» и «Северные цветы». Однако ответных писем Бунина, по свидетельству исследователей, в архиве Ремізова 1900-х гг. нет. Вероятно, Бунин просто проиг-

---

*«Есть знаменитая фотографическая карточка, – знаменитая потому, что она, в виде открытки, разошлась в свое время в сотнях тысячах экземпляров, – та, на которой сняты Андреев, Горький, Шаляпин, Скиталец, Чириков, Телешов и я», – говорил Бунин Г. Кузнецовой (И. Бунин и Г. Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма. – М., 2006. С. 344).

норировал ранние ремизовские этюды, как, согласно фрагменту «Иверени», это сделал Чехов. В творческом сознании Ремизова оба писателя – Чехов и Бунин – сливаются в общий образ «великого» литератора, далекого чаяниям писателя-изгоя (одна из психологических причин подобного образного «совмещения» – в том, что в период личных контактов с Ремизовым Бунин работал над книгой о Чехове).

Как бы то ни было, в эмиграции между Ремизовым и Буниным сложился особый – иронико-сопернический – стиль общения. Яркий пример тому – бунинская дарственная надпись: «Дорогому Алексею Михайловичу, Мудрейшему и Хитрейшему Великому Бобру, от его почитателя и хулителя, нареченного им Великим Муфтием, с покорнейшей просьбой прочесть «Божье Дерево» и «Странствия». Ив. Бунин. 16. X.1946. Париж» [3, с. 347]. Прозвище Великий Муфтий, которым Ремизов «нарек» Бунина, символизирует одну из констант бунинского житнетворчества: его жажду величия и верховенства. С другой стороны, прозвище Муфтий Бунин получил как страстный палестинофил и путешественник в Святые земли и Египет.

Семантический ореол ремизовского прозвища отвечает несколькими смыслами. Переводя «Песнь о Гайавате», Бунин познакомился с мифами североамериканских индейцев. Он знал о тотеме индейцев – Великом Бобре, к которому обращались с молитвой и которому приносили в жертву табак. Будучи заядлым курильщиком, Ремизов ввел шуточную ритуальную традицию: любой гость должен был принести с собой табаку. Кроме того, в сочетании с эпитетами «мудрейший и хитрейший» прозвище Великий Бобер, помимо внешних сходств с образом писателя, может прочитываться как символическое обозначение стилевой позиции Ремизова по отношению к древу русской словесности. Бунинская самооценка «почитатель и хулитель» говорит о его амбивалентном отношении к Ремизову – отталкиванию/притяжению, что неизбежно отражалось и в стилевых исканиях обоих художников.

Игровой диалог между художниками мог бы не состояться без третьего участника. Пытаясь придать весомость собственной литературной репутации, Н. Кодрянская в воспоминаниях выстраивает образ самой талантливой ученицы Ремизова и – одновременно – возлюбленной Бунина. Впрочем, подобный сценарий, вероятно, был подсказан Кодрянской самими Ремизовым и Буниным: каждый из них талантливо выдерживал в отношениях с меценаткой собственную эпистолярную интригу. Хитроумный Ремизов убеждает обладающую более чем скромным литературным дарованием корреспондентку: «Единственное имя войдет в русскую литературу и это будет – Кодрянская, все остальные истлеют бумагой своих книг» [9, с. 327].

Бунин вслед за Чеховым отказывал женщинам в литературном таланте. Во взаимоотношениях с начинающей писательницей он предпочел имидж молодящегося любвеобильного героя. Возможно, именно эта грань бунинского поведения иронически отразилась в той оценке, которую дал сборнику «Темные аллеи» Ремизов: он назвал его, по свидетельству Н.Кодрянской, «ребяческим лепетом» [2, с. 212]. В 1953-м году, следуя логике своей игры, Бунин дарит Кодрянской фотографию, сделанную еще в 1903 году, и сопровождает ее следующей надписью: «Дорогая Наташа, целую вас и прошу простить: подурнел я немножко за полвека!» [3, с. 343]. Показательна и другая дарственная надпись Бунина – на форзаце его «Избранных стихов»: «Н.В. Кодрянской. Дорогая Наташа, прекрасная Лорелея, невзирая на Ремизова, распускающего слухи, что он гораздо красивее меня, я дерзнул в вас влюбиться и признаюсь вам в этом словами Карла Ивановича Мауера из «Детства» Льва Толстого ... » [3, с. 344]. Нарочитая ирония по поводу экстравагантной внешности Ремизова, неоднократно им самим мифологизированной, свидетельствует о бунинском азарте в своеобразной любовной игре «на опережение».

Ремизов, как многие одинокие писатели в старости, направил оставшиеся ресурсы житнетворчества на переписку с «музой» – в данном случае с Н. Кодрянской. Его письма «ученице» – это письма-дневники, своего рода психохроника жизни одинокого человека, но их главная ценность – в суждениях о литературе и подробностях психологического состояния писателя. В свете поставленной проблемы закономерно, что в эпистолярном монологе Ремизова (Кодрянская опубликовала только письма Ремизова к ней) одним из постоянных персонажей является Бунин. «Великий Муфтий хвалил вас (не за сказки). А я – за

сказки. <...> Никакой Муфтий, Никакой Благодичный (Шмелев) сказок не пишут: это закрыто для их глаз» [2, с. 146], – пишет Ремизов. Во-первых, здесь очевидно желание подчеркнуть особенность и неподражаемость их творческого сказочно-мифотворческого тандема. Во-вторых, Ремизов явно сравнивает свои отношения и с эпистолярным романом Шмелева с О.А. Бредиус-Субботиной, и историей взаимоотношений Бунина с его «удочеренной ученицей» Г. Кузнецовой, которая, кстати, и познакомила Кодрянскую с Буниным.

В одном из писем своей ученице Ремизов рассказывает о том, «как научиться писать»: «Слова надо оголосить и оцветить», – и приводит пример такого «оголошенного» слова: «шмель – бунчит» [10, с. 329]. Металитературный намек этого замечания, как нам представляется, относится к Бунину и его «Последнему шмелю». Дело в том, что в часто цитируемом Ремизовым словаре В. Даля слово «бунчать» означает «петь про себя, вполголоса, глухо; о пчелах: жужжать» [9, с. 141]. Приводится в словаре и другой вариант: «бунить» – «гудеть, издавать глухой звук, гул, рев» [10, с. 141].

Особенно интересно, что Даль приводит и отглагольное существительное «буня»*, что означает «спесивый, чванный человек», а также глагол «бундарить» – «шуметь, спорить, вздорить, прекословить, перечить» [10, с. 141]. Ремизов намекает на то, что в самой фамилии Бунина звукосемантически отражаются такие особенности характера, как спесь, раздражительность, эгоцентризм, мания величия. Именно с таким звукосемантическим ореолом Бунин появляется в ремизовских металитературных рефлексиях: «Откуда у нас такая бурбоная традиция: Булгарин – Буренин – Бурнакин – Бунин. Все новое, что появляется в литературе, рассматривалось как личное оскорбление, а автора – как дерзкого обидчика. <...> Или это наше писательское преимущество: один другого не терпит» [7, с. 369]. В цепочке литературных фамилий четырежды повторен начальный слог «Бу».

Ремизов находит остроумной звукоподражательную характеристику стиля «Воспоминаний» Бунина, где последнее раздражают все: «буйнейший пьяница Бальмонт», «морфинист и садистический эротоман Брюсов», «запойный трагик Андреев» и т. д. Бунин не мог выносить «обезьяньи неистовства Белаго», и «тщедушного, дохлаго от болезней Арцыбашева», и «педераста Кузмина с его полуголым черепом и гробовым лицом, раскрашенным, как труп проститутки» [4, с. 47].

Впрочем, в одном из писем к Кодрянской Ремизов пишет о Буине вполне сочувственно: «Я думаю – в искусстве – каждый из нас кому-то мешает. И тут дело не в уме и не в душе: посмотрите Бунин нежнейшая душа и умница, а ему все мешают, и он всех кроет, его нежность скрывается в эти крышки...» [2, с. 48]. Ремизов почувствовал, что за литературными скандалами и домашним деспотизмом Бунина скрывались его профессиональные фобии и бытийное беспокойство.

Последнее письмо Бунина к Кодрянским от 20 октября 1953 года свидетельствует о том, что писатель до последних дней старался выдерживать игровой стиль отношений со своей корреспонденткой. На рисунке, наклеенном на письмо, изображена курпулентная блондинка в мехах, ведущая за руку маленького лысого мальчика в очках, очень похожего на Ремизова. Под рисунком привычное бунинское «бунчание»: «Милые Кодрянские, шлю вам сердечный поклон – и портрет вашего воспитанника: его мама привела его, в ту пору еще совсем маленького, учиться возвращать испорченный всеми нами (во главе с Пушкиным) русский язык на его “исконный”, “истинно-русский лад”» [3, с. 347].

Многолетнее противостояние и тайное соперничество писателей-эмигрантов символически выражено Ремизовым в образной оппозиции протопопа Аввакума и Симеона Полоцкого: «И еще о судьбе русской литературы – Аввакума, заговорившего на природном русском языке, сожгли, и в то же время возвеличили до звания первого писателя Симеона Полоцкого: писал вирши на «невозможном» языке, искажая русской лад, русские ударения. С этого Симеона Полоцкого (XVII) и пошло литературное разорение, увенчанное Великим Муфтием» [2, с. 86]. Obsessивное чувство писательской обиды и претензия на «звание первого писателя» звучит в этом ремизовском пассаже, своей не допускающей возражений серьезностью и сердитостью, как ни странно, напоминающем о бунинском «бунчащем» стиле.

*В письмах к Н. Кодрянской Ремизов не раз называет ее Бубуня, что, с одной стороны, может относиться к тональности ее писем, а с другой – к ее взаимоотношениям с Буниным.

Список использованной литературы

1. Демидова О. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья / О. Демидова. – СПб.: Гиперион, 2003. – 296 с.
2. Кодрянская Н.В. А.М. Ремизов в своих письмах / Н.В. Кодрянская. – Париж: издание автора, 1977. – 416 с.
3. Кодрянская Н.В. Встречи с Буниным / Н.В. Кодрянская // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2-х кн. – Кн. 2. – М.: Наука, 1973. – 551 с.
4. Бунин И.А. Воспоминания / И.А. Бунин. – Париж: Издательство Возрождение, 1950. – 272 с.
5. Ремизов А.М. Петербургский буюрак / Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 2002. – Т.10. – 592 с.
6. Ремизов А.М. Взвихренная Русь / Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т.5. – 688 с.
7. Ремизов А.М. Иверень / Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т.8. – 704 с.
8. Грачева А.М. Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву (1902–1903) / А.М. Грачева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1995 год. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 354 с.
9. Ремизов А.М. Рукописные книги: Из разных моих книг и на разные случаи. Гаданье данное людям от Бурхана-Мандзышира. Как научиться писать / А.М. Ремизов. – СПб.: Пушкинский дом, 2008. – 352 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 2003. – Т.1. А – З. – 699 с.

У статті досліджується специфіка творчих стосунків О. Ремізова та І. Буніна. В еміграції між О. Ремізовим та І. Буніним склався іроніко-суперницький стиль спілкування, який відображав полярність індивідуальних стильових настанов обох письменників та їх взаємний творчий інтерес.

Ключові слова: літературний стиль, творча дискусія, естетика модернізму, творча поведінка.

The article investigates the peculiarities of the artistic relationship between A. Remizov and I. Bunin. In emigration they communicated in the style of ironic rivalry which reflected the polarity of both writers' individual style orientation and their mutual artistic interest.

Key words: literary style, creative discussion, esthetics of modernism, creative behaviour.

Надійшло до редакції 8.02.2011.